

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10917

ПРИМЕТА КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ

Ольга Валентиновна Ломакина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, rusoturisto07@mail.ru, ORCID 0000-0003-0298-5678

Аннотация. Статья посвящена изучению приметы с учётом современной лингвистической парадигмы. Проанализированы исследования, посвящённые приметам, приведены классификации примет, доказано, что сновидческие тексты и гадания не могут относиться к паремийным единицам. Особое внимание уделено лексикографированию примет языков народов России: указано, как приметы приводятся в различных словарях. С учётом современных направлений лингвистики — лингвокультурологии и лингвоаксиологии — предлагается рассматривать примету как текст культуры. В качестве примера анализа функционального потенциала приведены примеры из русской литературы XIX—XX вв. и тувинской литературы (миф «Наказ духа-хозяина тайги»).

Ключевые слова: фольклор, паремия, примета, функции примет, художественный текст

Благодарности. Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования: Ломакина О. В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 133—140. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10917.

Original article

SIGN AS A TEXT OF CULTURE IN THE LIGHT OF THE STUDY OF THE LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Olga V. Lomakina

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, rusoturisto07@mail.ru, ORCID 0000-0003-0298-5678

Abstract. The article is devoted to the study of signs, taking into account the modern linguistic paradigm. The studies devoted to omens are analyzed, classifications of omens are given, it is proved that dream texts and divination cannot be related to paroemia units. Particular attention is paid to the lexicography of the signs of the languages of the peoples of Russia: it is indicated how the signs are given in various dictionaries. Taking into account modern areas of linguistics — linguoculturology and linguoaxiology — it is proposed to consider a sign as a text of culture. As an example of the analysis of the functional potential, examples from Russian literature of the 19th-20th centuries are given. and Tuvan literature (the myth “Order of the master spirit of the taiga”).

Keywords: folklore, paremia, sign, functions of signs, fiction text

Acknowledgments. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022

For citation: Lomakina OV. Sign as a text of culture in the light of the study of the languages of the peoples of Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):133-140. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10917.

Введение

Паремиология как раздел лингвистики, изучающий спектр различных паремийных текстов — ма-

© Ломакина О. В., 2022

лых жанров фольклора, к настоящему времени имеет свой терминологический и методологический аппарат, однако в большей степени изучены пословицы и поговорки (см., например: [25; 26; 27; 28]).

Примета как тип паремиологического текста, обладающий прогностической информацией, отражающий систему ценностных координат этноса и являющийся следствием, исследуется лишь в последние годы, фрагментарность ряда работ объясняется узкими задачами исследований, связанными с описанием определённого фрагмента той или иной национальной картины мира.

Теоретические основы изучения примет

Примета как один из жанров паремии, наряду с пословицами, поговорками, загадками, является свёрнутым текстом, который обладает кумулятивной памятью и культурной информацией. В этом малом жанре фольклора «концентрировались дошедшие из глубины столетий, проверенные жизненным опытом точные и верные наблюдения, которые не только не утрачивали своего содержания, но и подтверждали его» [33. С. 5]. Н. Н. Семененко говорит о сходстве примет с пословицами «по способности выражать умозаключения» [31. С. 99]. Е. Е. Иванов относит и пословицы, и народные приметы к «афористическим жанрам фольклора» [10. С. 390—391] на том простом основании, что и те, и другие имеют одинаковые обязательные признаки как языковые единицы: «однофразовость, обобщённость, дискурсивную автономность, устойчивость и воспроизводимость» [11. С. 698—699].

Изучение примет лингвистами имеет недолгую историю — около 50 лет: авторы коллективной работы «Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения» (2008) называют работы следующих исследователей: Л. И. Минько, А. Ф. Некрыловой, Е. Г. Павловой, Т. С. Садовой, М. И. Шахновича, В. К. Харченко [28. С. 74].

С учётом тематики исследователи (М. А. Кулькова, Е. Е. Тонкова, В. К. Харченко) традиционно выделяют календарные (сельскохозяйственные), погодные (метеорологические), бытовые (суеверные) приметы [17; 33; 37].

М. А. Кулькова предлагает функциональную классификацию с учётом их употребления в речи, т. е. как определённые высказывания: «дескриптивные, или описывающие; оценочные, или аксиологические, и прескриптивные, или предписывающие» [17. С. 13].

Примета воспринимается как «прогностическая формула», выражаемая условно-следственными отношениями [28. С. 75]. Наблюдения о предметах, явлениях природы, поведении представителей животного мира, умение расшифровы-

вать знаки и символы опирались на пресуппозитивные знания этноса. Обычно область прогноза и сфера его распространения зависят от природно-климатических факторов, традиций, системы мифологических представлений народа и направлены на получение прогноза — определение *хорошего* или *плохого* (*к добру / к худу*) как основной ценностной диады, задающей вектор всей системе ценностных координат вне зависимости от вероисповедания, особенностей культуры, мировоззрения нации. Вместе с тем условия прогноза могут иметь интернациональный характер (например, восприятие ворона в русской примете *Кто в лесу поет и увидит ворона, тому наткнуться на волка* [7. С. 74] и тувинской примете *Если ворон тревожно каркает, то это признак того, что к стоянке приближается волк* [15. С. 142]).

Исследователи нередко рассматривают приметы, прежде всего суеверные, вместе с другими фольклорными текстами: гаданиями, сновидениями, которые также отличает «прогностическая формула» и сфера «т. н. потаённого (отречённого) знания, официально не признаваемого ни церковной, ни аристократической светской культурой» [30. С. 5]. Т. С. Садова, наряду с рассказами о снах (сновидческих рассказах, снопаративах, сноповествованиях), выделяет сновидческие приметы (сноприметы), которые имеют, подобно другим типам примет, структурную однотипность, а в качестве доказательства использования термина «примета» в обобщающем смысле приводит мнение белорусского этнографа Е. Романова: «Толкования снов стоят в тесной связи с народными приметами и поверьями, и это вполне понятно: многие предметы и явления, объясняемые так или иначе, как наблюдаемые наяву, естественно, получают такие же объяснения и во снах» [цит. по: 30. С. 62]. На этом основании сноприметы следует считать разновидностью бытовых (суеверных) примет, а сновидческие рассказы фольклорным текстом, не верифицируемым как тип паремии.

В русской традиции гадания, как и сны, опирались на суеверные представления, однако содержали долговременный (от года) и крупномасштабный («жизнь, смерть, замужество или женитьба, бедность или богатство, урожай или неурожай») прогноз [28. С. 76]. Подблюдные песни, исполняемые после святочных гаданий, семантически/идеологически были их продолжением, предвещающая счастье и богатство; свадьбу; безбрачие; разлуку, дорогу; несчастье, бедность, болезнь; смерть [28. С. 76].

Представление примет в лексикографических источниках народов России

Хотя приметы насчитывают многовековую историю существования и отражают разные этапы становления общества, первое лексикографическое представление этого типа русских паремий содержится в «Словаре русских суеверий» М. Д. Чулкова (1-е изд. — 1782 г., 2-е изд., дополненное этнографическими сведениями, — 1786 г.). Однако более известен сборник «Пословицы русского народа» В. И. Даля (1861—1862), где, наряду с пословицами, поговорками, загадками, присловьями, включено более 1000 примет, бытующих на разных территориях Российской империи.

Наиболее полным сборником современных примет (15 000 единиц) является «Большой словарь примет» Т. Г. Никитиной, Е. И. Рогалевой, Н. Н. Ивановой (2009) [24].

В национальных лексикографиях приметы чаще всего приводились вместе с другими паремийными текстами, в некоторых случаях они включались в отдельную главу: например, 51 примета выделена в сборнике «Карельские пословицы и поговорки» (на карельском языке с переводом на русский), более 1500 — в сборнике «Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки» на русском языке [14; 22]. Нередко приметы включались в этнографические издания в качестве иллюстративного материала обычаев и традиций народа [15]. Приметы, приведённые на русском языке без перевода на национальный язык, требуют тщательной проверки и верификации; в случае отсутствия письменного источника следует провести социолингвистический эксперимент и обратиться к полученным данным; возможно обращение к произведениям национальной литературы, в произведениях которой также фиксируются паремии, в т. ч. приметы.

Примета в свете современного лингвистического знания

Монографическое изучение примет представлено в работах Н. Н. Ивановой, Т. С. Садовой, Н. Н. Фаттаховой, а также в одной из глав коллективной монографии «Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения» [13; 29; 35; 28].

Описанию лексико-грамматических особенностей и когнитивно-смысловой структуры примет, в т. ч. в сравнительно-сопоставительном аспекте, посвящены работы К. Р. Вагнер, Ц. Гэн, М. И. Закирова, М. А. Кульковой, А. М. Тарасова, С. В. Тугановой, Н. Н. Фёдоровой, представителей казанской школы проф. Н. Н. Фаттаховой [3; 6; 8;

17; 32; 34; 36]. Я. Гоу, О. Н. Иванищева и М. Лян, М. А. Кулькова, Т. Г. Никитина и Е. И. Рогалёва описывали функции примет [4; 9; 18; 23].

В связи с выделением лингвокультурологии и лингвоаксиологии как самостоятельных направлений, имеющих междисциплинарный характер и базирующихся на идее взаимовлияния языка и культуры, определяющего начала системы ценностных координат в языковой системе, приметы, как и другие паремийные тексты, стали интерпретироваться с учётом традиций, обычаев, верований народа (см.: [2; 4; 5; 19; 20]), что позволяет рассматривать их как тексты культуры. «Вместе с тем выделение ценностных доминант, жизненных ориентиров, культурных традиций не делает их (паремии — О. Л.) специфическими, принадлежащими только одному народу, а может носить общечеловеческий характер и потому считаться интернациональным» [16. С. 80].

Примета как текст культуры: опыт анализа

Рассмотрение приметы как текста имеет и герменевтическое значение: понимание текста художественного произведения, включающего примету, требует комментария: несмотря на «живучесть» этого типа паремий, их отдельные компоненты, а подчас и общий смысл могут быть непонятны современному читателю.

Например, с общей отрицательной оценкой собаки [1. С. 380] связаны суеверные приметы *Собачий вой — на вечный покой. Ночной собачий вой — к покойнику; Коли собака ночью воет, то перевернуть под головами подушку, сказав: «На свою голову!» — и она замолкнет; Собака жмется к хозяину — к несчастью; Собака воет книзу (к земле) — к покойнику; кверху — к пожару; Коли собака крох не ест подле больного, то он скоро умрет* [7. С. 373].

Примета *Собачий вой — на вечный покой. Ночной собачий вой — к покойнику* трансформировалась в примету *Собачий вой — к покойнику*, что нашло отражение в художественных текстах:

«— Цыц, Розка! Цыц, Розка! — болезненно простонала испуганная Марья Петровна, — ох! что это в самом деле? Слышите, душенька Софья Ивановна, как на дворе собака-то воет, и ведь не в первый раз, уж не к покойнику ли?...» (Д. В. Григорович «Бобыль»);

«Как только наша собака начинала выть, так сразу соседи говорили: к покойнику» (В. Крупин «Как только, так сразу»);

«Где-то вдалеке, вероятно в селе, **выли, как к покойнику, собаки**». (А. И. Делианич «Вольфсберг-373»).

В следующем примере примета «растворена» в тексте: прогнозирующая часть *выли собаки* предшествует прогнозу к худу, при этом писатель в часть сложного предложения с разными видами связи включает конкретизацию прогноза *получила известие о кончине*. Экспрессивной функцию получает устойчивое сравнение *сама выла, как собака*:

«Крысы утащили государынин платок. По ночам возились, стучали, бегали, как будто выжидали гостей непрошенных. А под окнами **выли собаки**; их отгоняли, но не могли отогнать. Валуева была уверена, что к худу: все чего-то боялась, куксилась, плакала, **сама выла, как собака**, и так, наконец, надоела государыне, что та запретила ей на глаза к себе являться. Дня через два после отъезда государя императрица **получила известие о кончине** короля баварского, мужа Каролины, сестры своей. Любила ее, горевала о ней, а где-то в глубине души была радость, как у солдата в огне сражения, когда просвистела пуля мимо ушей, и товарищ рядом упал: “Слава Богу, он, а не я!” Ужаснулась этой радости» (Д. С. Мержковский «Александр Первый»).

Прототипическая ситуация, связанная с приметой *Собака воет книзу (к земле) — к покойнику; кверху — к пожару*, является текстообразующей в следующем отрывке: «Вблизи него лохматая — рыжая с белым — **собака**. Она не знает — к **пожару ей выть или к покойнику**, задрать ли голову вверх или уторнуть нос книзу. Она ставит морду подволь и начинает **выть** жутким голосом, глаза её влажны, **собака** учится плакать по-человечьи. Все её бросили, она отбилась от ушедших людей, а на деда косится сумнительно, как на неживую ходячую тень. Дед смотрит на собаку блеклыми глазами, и она представляется ему вопленицей на могиле его старухи. Жалобно вопила тогда Митрофаниха, и над гробами двух сынов его она за три копейки вопила, тогда все хрещеные плакали... Охо-хо, кто-то над ним будет вопить, давно умерла Митрофаниха. Двух сынов у него прибрал господь да трёх внуков, да много правнуков. Ну, да ведь слава тебе, господи, ещё остались у него и сыны, и внуки, и правнуки. Двенадцать внуков, то ли двенадцать, то ли двадцать, семья большая» (В. Я. Шишков «Емельян Пугачев»).

В основу тувинского мифа «Наказ духа — хозяина тайги» положена примета *Толдуг аң өлүрүп болбас, амыдыралынга шаптараазыннар таваржыр*¹ ‘Убьешь зверя с детенышем, в жизни встретишь всякие препятствия’:

¹ Примета из картотеки кандидата филологических наук, доцента Надежды Дарыевны Сувандии.

«Один старик, зверей выслеживая, по их следам на [гору] Калчан-Ыдык поднялся. На нескольких прогалинах молодые-старые маралы собрались. [Они], как стадо коров, собравшись, стояли.

Старик в одного из этих маралов прицелился. [Только] курок ружья спустить собрался:

— Ой! Стой! Что делаешь, многодетный человек разве так поступает? у кого белое молоко, маленькие детёныши, [в тех] стрелять нельзя! — услышал, [это] седоголовая старая женщина подошла.

Старик вздрогнул, ружьё опустил.

Старушка тут:

— Завтра тебе я моего слепого на один глаз быка отдам. Впредь кормящих самок, не убивая, отпускаяй. [Ты] многодетный человек, всех живых жалеть, охранять должен, нужное для еды только добывай, — сказала старушка [и] пропала вдруг.

Старик после этого не охотился, на стоянку вернулся.

Утром, на заре, [когда маралы ещё] с пастбища не ушли, перед стариком огромный марал появился. Добыв [его, он] увидел — в самом деле, в двенадцативетвистыми рогами [и] слепым на один глаз этот марал оказался.

С тех пор этот охотник на кормящих зверей, самок руку не поднимал» [перевод по: 21. С. 118—119].

Анализ контекста позволяет говорить о текстообразующей функции (синтагматическом потенциале) приметы: миф показывает, что происходит с охотником, нарушающим примету, в основе которой бережное отношение к природе. Данная примета выполняет и ассоциативно-предметную функцию (реализует свой парадигматический потенциал), отсылает к многочисленным пословицам и поговоркам с анималистическими образами в паремиологическом фонде тувинского языка [12].

Заключение

Примета в свете современной гуманитарной парадигмы, опирающейся на идеи антропоцентризма и учитывающей систему ценностных координат народа, его культурные установки, рассматривается как текст культуры. Эксплицитно или имплицитно выраженные в примете смыслы не только служат руководством для новых поколений, но и содержат информацию о традициях и обычаях народа. Литературный текст, включающий приметы, становится для исследователей источником, фиксирующим фонд примет языка.

Список источников

1. Белова О. В., Гура А. В., Кабакова Г. И., Толстая С. М. Собака // Восточнославянские этиологические сказки и легенды: Энциклопедический словарь; под общ. ред. Г. И. Кабаковой. М.: Неолит, 2019. С. 380—384.
2. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265—284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284
3. Вагнер К. Р. Семантика и синтаксис русских народных примет с компонентом «зооним»: в зеркале английских примет: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 245 с.
4. Гоу Я. Русские и китайские приметы антропоцентрической направленности: лингвокультурологический подход: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 290 с.
5. Гоу Я., Коровина С. Г. Образ собаки в русских и китайских приметах (на лексикографическом материале) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2020. № 3 (108). С. 26—37.
6. Гэн Цзе. Бинарная оппозиция небо-земля в русском и китайском языках: на материале малых жанров фольклора: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. 182 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. Т. 2 М.: ТЕРРА: Книжная лавка — РТР, 1996. 424 с.
8. Закиров М. И. Концепт вода/су в русских и татарских народных приметах: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 261 с.
9. Иванищева О. Н., Лян М. Познавательная функция примет // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2020. № 10 (153). С. 188—194.
10. Иванов Е. Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 381—401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
11. Иванов Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659—706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
12. Иванов Е. Е., Марфина Ж. В., Шкуран О. В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47—68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
13. Иванова Н. Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2005. 274 с.
14. Карельские пословицы и поговорки = Karjalaiset sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut tašananpolvet: сборник: на ливвиковском и собственно карельском наречиях и русском языках / сост. В. Г. Макаров. 3-е изд. Петрозаводск: Периодика, 2019. 238 с.
15. Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев; пер. с тувин. А. А. Дугержаа, А. С. Дембирель. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. 248 с.
16. Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). Ч. 1. С. 78—86.
17. Кулькова М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011. 52 с.
18. Кулькова М. А. Тематическая и функциональная классификации народных примет (на материале русских и немецких паремий) // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития. Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2013. С. 108—114.
19. Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7, № 1. С. 97—107.
20. Ломакина О. В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6—16. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

21. Мифы, легенды, предания тувинцев / сост.: Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 28. Новосибирск, 2010. 356 с.
22. Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки: поэтич. образцы житейского опыта / сост. Л. В. Седова. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2009. 336 с.
23. Никитина Т. Г., Рогалёва Е. И. Практическая лексикография как сфера многоаспектной исследовательской деятельности обучающихся разных уровней (На материале словаря народных примет) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 4. С. 16—23.
24. Никитина Т. Г., Рогалева Е. И., Иванова Н. Н. Большой словарь примет: около 15 000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2009. 685 с.
25. Паремиология без границ: колл. моногр. / под. ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.
26. Паремиология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015.
27. Паремиология на перекрёстках языков и культур: колл. моногр. / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.
28. Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения: колл. моногр. / науч. ред. проф. Т. Г. Никитина. Псков: ПГПУ, 2008. 256 с.
29. Садова Т. С. Народная примета как текст. Лингвистический аспект. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. 212 с.
30. Садова Т. С. Сногдания и рассказы о снах в русском речевом обиходе: лингвистические заметки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2021. 144 с.
31. Семененко Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика: моногр. Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011. 355 с.
32. Тарасов А. М. Семантика и функционирование прилагательных в народных приметах русского и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 164 с.
33. Тонкова Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 189 с.
34. Туганова С. В. Синтагматика и парадигматика русских и английских суеверных примет антропологической направленности: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 183 с.
35. Фаттахова Н. Н. Народные приметы: принципы классификации, структурирования, функционирования. Казань: Печать-Сервис, 2012. 176 с.
36. Федорова Н. И. Концепт небо в народных приметах русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 209 с.
37. Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы: моногр. Белгород: Белгород. обл. тип., 2008. 222 с.

References

1. Belova OV, Gura AV, Kabakova GI. Sobaka = Dog. In: Kabakova GI (ed.). Vostochnoslavjanskije jetiologičeskie skazki i legendy: Jenciklopedičeskij slovar' = East Slavic etiological tales and legends: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Neolit; 2019. Pp. 380—384. (In Russ.).
2. Bredis MA, Dimoglo MS, Lomakina OV. Paremiology in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics.* 2020;11(2):265-284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284 (In Russ.).
3. Vagner KR. Semantika i sintaksis russkih narodnyh primet s komponentom «zoonim»: v zerkale anglijskih primet = Semantics and syntax of Russian folk signs with the “zoonym” component: in the mirror of English signs. Thesis. Kazan'; 2008. 245 p. (In Russ.).
4. Gou J. Russkie i kitajskie primety antropocentričeskoj napravlenosti: lingvokul'turologičeskij podhod = Russian and Chinese omens of an anthropocentric orientation: Linguoculturological approach. Thesis. Moscow; 2022. 290 p. (In Russ.).
5. Gou J, Korovina SG. The image of dogs in russian and chinese superstitious beliefs (based on lexicographical material). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva = Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev.* 2020;(3(108):26-37. (In Russ.).

6. Gjen Cze. Binarnaja oppozicija nebo-zemlja v ruskom i kitajskom jazykah: na materiale malyh zhanrov fol'klora = Binary opposition heaven-earth in Russian and Chinese: on the material of small genres of folklore. Thesis. Kazan', 2014. 182 p. (In Russ.).
7. Dal' VI. Posloviy russkogo naroda: v 2 t. T. 2 = Proverbs of the Russian people: in 2 v. Vol. 2. Moscow: TERRA: Knizhnaja lavka — RTR; 1996. 424 p. (In Russ.).
8. Zakirov MI. Koncept voda/su v russkih i tatarskih narodnyh primetah = The concept of water/su in Russian and Tatar folk signs. Thesis. Kazan', 2009. 261 p. (In Russ.).
9. Ivanishheva ON, Ljan M. Cognitive function of signs. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences.* 2020;(10(153):188-194. (In Russ.).
10. Ivanov EE. Aspects of empirical understanding of aphorism. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics.* 2019;10(2):381-401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401> (In Russ.).
11. Ivanov EE. Aphorism as an object of linguistics: the main properties. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics.* 2020;11(4):659-706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (In Russ.).
12. Ivanov EE, Marfina ZhV, Shkuran OV. Animal nouns in tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *Novye issledovanija Tuvy = New studies of Tuva.* 2022;(1):47-68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4> (In Russ.).
13. Ivanova NN. Strukturno-semanticheskie osobennosti i lingvokul'turologicheskij potencial primety = Structural-semantic features and linguoculturological potential of signs Thesis. Pskov; 2005. 274 p. (In Russ.).
14. Makarov VG (comp.) Karel'skie posloviy i pogovorki = Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut tašananpolvet = Karelian proverbs and sayings. 3rd ed. Petrozavodsk: Periodika; 2019. 238 p. (In Russ.; In Karel.).
15. Kenin-Lopsan MB. Tradicionnaja kul'tura tuvincev = Traditional culture of Tuvans. Kyzyl: Tuvan book publ. house; 2021. 248 p. (In Russ.).
16. Komova DD, Lomakina OV. Vocabulary and discursive directions of reconstruction of the paremiological picture of the world: interpretation (on the material of the russian language). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva = Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev.* 2019;(3(103),1):78-86. (In Russ.).
17. Kul'kova MA. Kognitivno-smyslovoe prostranstvo narodnoj primety = Cognitive-semantic space of folk signs. Abstract of thesis. Kazan'; 2011. 52 p. (In Russ.).
18. Kul'kova MA. Thematic and functional classification of folk signs (based on Russian and German proverbs). In: *Russkaja i sopostavitel'naja paremiologija v Tatarstane: istoki razvitija = Russian and comparative paremiology in Tatarstan: origins of development.* Kazan': Pechat'-Servis-XXI vek, 2013. Pp. 108—114. (In Russ.).
19. Lomakina OV. The studying of the proverbs in the value paradigm: the methodology of research and the criteria for estimating value. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences.* 2021;7(1):97-107. (In Russ.).
20. Lomakina OV. Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *Novye issledovanija Tuvy = New studies of Tuva.* 2022;(1):6-16. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1> (In Russ.).
21. Alekseev NA, Kuular DS, Samdan ZB, Jusha ZhM. (comp.). Myths, legends, legends of Tuvans. In: *Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka = Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East.* Vol. 28. Novosibirsk; 2010. 356 p. (In Russ.).
22. Sedova LV. (comp.). Mordovskie posloviy, pogovorki, primety i zagadki: pojetich. obrazcy zhitejskogo opyta = Mordovian proverbs, sayings, signs and riddles: poetic examples of everyday experience. Saransk: Mordovian book publ. house; 2009. 336 p. (In Russ.).
23. Nikitina TG, Rogaljova EI. Practical lexicography as a sphere of multidimensional research activity of multi-level students (on the materials of a dictionary of folk signs). *Russkij jazyk v shkole = Russian language at school.* 2020;81(4):16-23. (In Russ.).

24. Nikitina TG, Rogaleva EI, Ivanova NN. Bol'shoj slovar' primet: okolo 15 000 edinic = Big dictionary of folk signs: about 15,000 units. Moscow: AST: Astrel'; 2009. 685 p. (In Russ.).
25. Bredis MA, Lomakina OV (eds.). Paremiologija bez granic = Paremiology without borders. Moscow: RUDN; 2020. 244 p. (In Russ.).
26. Lomakina OV. Paremiologija v diskurse = Paremiology in discourse. Moscow: URSS: Lenand; 2015. (In Russ.).
27. Ivanov EE, Lomakina OV (eds.). Paremiologija na perekrjostkah jazykov i kul'tur = Paremiology at the crossroads of languages and cultures. Moscow: RUDN; 2021. 246 p. (In Russ.).
28. Nikitina TG (ed.). Russkie paremii: novye formy, novye smysly, novye aspekty izuchenija = Russian proverbs: new forms, new meanings, new aspects of study. Pskov: PGPU; 2008. 256 p. (In Russ.).
29. Sadova TS. Narodnaja primeta kak tekst. Lingvisticheskij aspekt = Sign as a text. Linguistic aspect. St. Petersburg: St. Peterburg State University Publ.; 2003. 212 p. (In Russ.).
30. Sadova TS. Snogadanija i rasskazy o snah v russkom rechevom obihode: lingvisticheskie zametki = Dreams and stories about dreams in Russian speech usage: linguistic notes. St. Petersburg: St. Peterburg State University Publ.; 2021. 144 p. (In Russ.).
31. Semenenko NN. Russkie paremii: funkicii, semantika, pragmatika = Russian proverbs: functions, semantics, pragmatics. Staryj Oskol: ROSA; 2011. 355 p. (In Russ.).
32. Tarasov AM. Semantika i funkcionirovanie prilagatel'nyh v narodnyh primetah russkogo i tatarskogo jazykov = Semantics and functioning of adjectives in folk signs of the Russian and Tatar languages. Thesis. Kazan'; 2004. 164 p. (In Russ.).
33. Tonkova EE. Narodnaja primeta s pozicij lingvokognitivistiki i lingvokul'turologii = Folk sign from the standpoint of linguocognitive science and linguoculturology. Thesis. Belgorod; 2007. 189 p. (In Russ.).
34. Tuganova SV. Sintagmatika i paradigmatica russkih i anglijskih suevernyh primet antropologicheskoi napravlenosti = Syntagmatics and paradigmatics of Russian and English superstitious signs will take on an anthropological orientation. Thesis. Kazan'; 2006. 183 p. (In Russ.).
35. Fattahova NN. Narodnye primety: principy klassifikacii, strukturirovanija, funkcionirovanija = Folk signs: principles of classification, structuring, functioning. Kazan': Pechat'-Servis; 2012. 176 p. (In Russ.).
36. Fedorova NI. Koncept nebo v narodnyh primetah russkogo jazyka = The concept of the sky in folk signs of the Russian language. Thesis. Kazan'; 2011. 209 p. (In Russ.).
37. Harchenko VK, Tonkova EE. Lingvistika narodnoj primety = Linguistics of folk signs. Belgorod: Belgorod. region printing house; 2008. 222 p. (In Russ.).

Информация об авторах

О. В. Ломакина — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета.

Information about the authors

Olga V. Lomakina — Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of the Foreign language, Faculty of Philology.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.